

ПОПОВ ДАНИЛ СЕРГЕЕВИЧ¹

DANIL POPOV

СТОИЦИЗМ: ДРЕВНЯЯ ФИЛОСОФСКАЯ РЕЛИГИЯ ИЛИ АКТУАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ СУБЪЕКТА?²

Аннотация:

В работе на основе анализа историко-философской литературы выявляются и сопоставляются интерпретации стоицизма мыслителями 20 века. Несмотря на то, что целый ряд выдающихся исследователей первой половины столетия осмыслили стоицизм как архаичный феномен – древнюю философскую религию, во второй половине прошлого века в поздних трудах М. Фуко стоицизм получает иное прочтение. В нем философии Стои может рассматриваться как нарратив не только моральной, но и политической субъективности, реактуализирующийся в современности в условиях феномена биовласти, «общества контроля» и пр. Более того, именно стоические практики самости оказались важной моделью для разработки М. Фуко проблематики «заботы о

Abstract:

The scope of the study is comparison of interpretations of Stoic philosophy in the XX-th century. Despite the fact that a number of outstanding philosophers of the first half of the 20th century considered Stoicism as an ancient philosophical religion, unimportant for modern time's agenda, Stoicism is presented in the later writings of M. Foucault as a narrative of both moral and political subjectivity, reactivating in the modern world under the conditions of the phenomenon of biopolitics. Moreover, it was the Stoic practices of self that proved to be an important model for M. Foucault's development of the problems of «self-caring», taken in the context of the problems of modernity. The

¹ Студент 4 курса ИФ СПбГУ, направление «Философия»; бакалавр теологии (2014), Evseviy-dan@yandex.ru

4th year bachelor student, Institute of Philosophy, St.Petersburg State University; V.Th. (2014), Evseviy-dan@yandex.ru

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-01123 А «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемиического дискурса».

Stoicism: Ancient Philosophical Religion or Contemporary Narrative of subject?

© Попов Д.С.

себе», взятой в контексте проблем современности. Продуктивный характер подобного прочтения стоической философии подтверждается анализом одного из наиболее значимых описанных обращений к стоицизму в условиях военного плена в 20 веке – книге Дж. Стокдейла «Мужество в бою: Испытание доктрин Эпиктета в лаборатории человеческого поведения».

Ключевые слова:

стоицизм, философская религия, Фуко, субъект, процессы субъективизации, биополитика, практики себя, забота о себе.

productive character of such reading of Stoic philosophy is confirmed by the analysis of one of the most significant described appeals to stoicism under conditions of military captivity in the 20th century – the book by J. Stockdale «Courage Under Fire: Testing Epictetus's Doctrines in a Laboratory of Human Behavior».

Keywords:

stoicism, philosophical religion, Foucault, subject, process of subjectivities, biopolitics, self-caring.

Попов Д.С. Стоицизм: древняя философская религия или актуальный нарратив субъекта? // *Vita cogitans: альманах молодых философов*, №9, 2018. С 8-18

Popov D.S. Stoicism: Ancient Philosophical Religion or Contemporary Narrative of sub-ject? // *Vita cogitans*, №9, 2018. Pp. 8-18

Во второй половине XX века многие мыслители писали об актуальности стоицизма в переходные эпохи (к которым они относили и современный им мир), когда люди стремятся охранить себя от непредсказуемости, достичь внутреннего покоя в мире обостряющихся противоречий и различных угроз. Стоический нарратив как практическая философия завоевывает все большую популярность и в наши дни³. Однако эпохе роста интереса к тому или иному феномену необходимо предшествоует период равнодушия или же негативного отношения. В данной работе, с одной стороны, анализируются взгляды отечественных и зарубежных мыслителей конца XIX–первой половины XX века на философию Стои. С другой стороны, данной оценке стоицизма противопоставляется точка зрения М. Фуко, выдвинутая им уже во второй половине прошлого столетия. Подобный анализ позволяет проследить, каким образом в течение XX менялось отношение к стоической философии, а также отчетливее рефлексировать причины и основания, вследствие которых стоический нарратив оказывается столь востребованным сегодня.

³ Pegliucci M. How to be a Stoic. Using Ancient Philosophy to Live and Modern Life. New-York, 2017; Ussher P. Stoicism Today: Selected Writings. Vol. 1. – 2014.

Стоицизм как архаическая философская религия в рецепциях конца XIX– первой половины XX века

Обзор рецепций наследия стоической школы в конце XIX – первой половине XX века показывает, помимо всего прочего, два любопытных факта. Во-первых, существует большое количество интерпретаций, где стоицизм – это прежде всего не философия, а философская религия. Справедливость этого утверждения демонстрируют примеры как из отечественной, так и из зарубежной философской литературы. В перечне русских мыслителей, именно так оценивающих стоицизм можно выделить Л. Н. Толстого⁴, Л. Шестова⁵, А. Ф. Лосева⁶. Для представителей зарубежной философии данного периода также характерно наделять религиозную составляющую стоицизма решающим для этой доктрины значением. Это можно увидеть в трудах, например, Э. Целлера⁷, В. Виндельбанда⁸, Б. Рассела⁹, В. Йегера¹⁰, А. Тойнби.¹¹

Однако обращение к историко-философской литературе рассматриваемого периода указывает не только на представления тогдашних исследователей о теснейшей и ключевой для стоического учения связи между философскими построениями и религиозными схемами, но и позволяет выявить характерные оценки стоицизма как бессильного учения, а стоических практик – как неактуальных для современности (зачастую эта позиция основывается на критике именно теологических представлений стоиков).

Так, например, В. Виндельбанд критически оценивает философию Стои: подчеркивает вторичный характер ее учения, эклектичность, пессимизм; использует в ее отношении эпитеты «ребяческое заключение», «доктринерское упрямство», «бесцветное с философской стороны морализование».¹²

⁴ Толстой Л. Н. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым, мысли многих писателей об истине, жизни и поведении 1904–1908 // ПСС. В 42 т. Т. 2. – М., 1957. – С. 155.

⁵ Шестов Л. Лекции по истории греческой философии. – М., 2001. – С. 247–248.

⁶ Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. – М., 2002. – С. 291.

⁷ Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Dritter Theil, Erste Abtheilung. Die nacharistotelische Philosophie. Erste Hälfte. – Leipzig, 1923. PP. 318–319.

⁸ Виндельбанд В. История древней философии. – Киев, 1995. – С. 264.

⁹ Russell B. A. History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day. – London, 1946. – P. 266–267.

¹⁰ Jaeger W. Das frühe Christentum und die griechische Bildung. – Berlin, 1963. – PP. 31.

¹¹ Тойнби А. J. Civilization on trial. – New York, 1948. – P.236–243.

¹² Виндельбанд В. История древней философии. С. 256–264.

Несколько иную позицию демонстрирует В. Рассел. Отдавая безусловное должное месту Стои в истории античной философии, он скептически настроен в отношении возможной актуальности этой философии. В этой связи он останавливается на опровержении сердцевины стоической моральной доктрины – тезиса о «свободе воли»; о душе, как о частице божества, неподвластной ничему внешнему. Интересен характер его аргументации: он называет эту часть учения Стои неверной, апеллируя к теории волевых актов современной науки. Он замечает (несколько иронично), что даже диспепсия может иметь негативное влияние на добродетель человека, а насильственно вводимые препараты могут разрушить силу воли:

Возьмем любимый пример Эпиктета: человек несправедливо брошенный в темницу тираном, примеров чему в последние годы было больше, чем в любой иной период человеческой истории. Некоторые из таких людей действовали со стоическим героизмом; некоторые, неизвестно почему, нет. Стало ясно, что не только достаточной силы пытка ломит стойкость почти каждого человека, но и что морфий или кокаин может привести человека к покорности. Воля в действительности независима от тирана только пока тиран действует ненаучно.¹³

С точки зрения А. Тойнби, стоицизм относится к числу учений, которые ищут смысл бытия души вне истории порочного и превратного мира. Портрет философа-стоика получает в этой схеме незавидную характеристику:

Стоик может быть описан (возможно, несколько недоброжелательно), как притворный буддист, который не имеет достаточно мужества в своих убеждениях.¹⁴

Однако, несмотря на подобные оценки, тем более примечательным видится возрождение интереса к стоическим философским практикам во второй половине XX века. Особое место среди интерпретаций стоицизма в данный период занимает подход М. Фуко.

¹³ Russell B. A. History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day. P. 290.

¹⁴ Toynbee A. J. Civilization on trial. P. 258.

Стоицизм как актуальный нарратив субъекта: теоретический и
праксеологический аспекты

Специфика взгляда М. Фуко на стоицизм во многом отражается в контексте полемики с П. Адо относительно характера и роли духовных упражнений в античности и, в частности, у стоиков. Исследователи отмечают, что если для М. Фуко здесь речь идет о конституировании морального субъекта, то для П. Адо, напротив, о возвышении индивидуальности до универсального, космического статуса.¹⁵ Думается, однако, что сведение исследований М. Фуко в области самосозидания субъекта только к сфере этического неполно. Интерес М. Фуко к стоическим и, шире, к античным практикам духовности связан и с познающим, и с политическим субъектом. Тематика последнего занимает видное место в творчестве М. Фуко и коррелирует с фиксацией им превратности современного политического поля (в самом широком смысле), его тоталитарным характером.

По мысли М. Фуко в истории наблюдалось три типа борьбы за свободу, из которых для современности важен третий:

1) Противостояние этническому, социальному и религиозному господству;

2) Противостояние эксплуатации: отделению индивида от производимого им;

3) Борьба против подчинения субъективности.¹⁶

М. Фуко считает, что актуализация борьбы третьего типа вызвана интеграцией современным западным государством в новой политической форме старой техники пастырской власти, которая возникла в христианских институтах.¹⁷ Она предполагает направленность на людей, а не на территорию; эта власть ведет к цели, которую составляют те, на кого она действует.¹⁸ Так, например, модель Церкви, которая была сущностной частью пастырской власти в христианстве, явилась институтом, стремящимся «управлять людьми во всем, вплоть до их каждодневного существования под предлогом того, что он ведет их к вечной жизни в мире ином»¹⁹, а западный человек «тысячелетиями учился относиться к себе как к одной из множества овец, <...> он тысячами учился искать для себя спасения у пастыря».²⁰ Вырас-

¹⁵ Гаджикурбанова П. А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. – 2009. – №9. – С. 27.

¹⁶ Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2003. В 3 т. Т. 3. – С. 168.

¹⁷ Фуко М. Субъект и власть. С. 170.

¹⁸ Фуко М. Безопасность, территория, население. – СПб., 2011. – С. 187.

¹⁹ Там же. С. 208.

²⁰ Там же. С. 188.

такая из феномена пастырской власти биополитическая модель современности носит все черты тоталитарной машины. Однако в ней управляемые больше не принуждаются к покорности силой: каждый, напротив, стремится сам привести себя, свое тело, свои мысли в соответствие с существующим диспозитивом. Это достигается в том числе

*посредством вдалбливания в голову "правил хорошего тона" и идеальных моделей для социального "я", дающих индивиду ясное чувство уникальности себя в данной группе, как равно, чувство управляемой и контролируемой внешней среды, дающей возможность развития в сторону политического идеала себя.*²¹

Нельзя не сказать, что обращение М. Фуко к подобной тематике вполне вписывается в контекст озабоченности философов XX и XXI века превратным влиянием современной идеологии на процессы производства субъективности. Так, примером исследовательского интереса современных мыслителей в этой области служат работы М. Хардта и А. Негри, которые выделяют феномен гибридного производства субъективности как одну из важных характеристик становления современного общества контроля. По их мысли, субъективность, являясь постоянным социальным процессом порождения, ранее производилась локально в рамках перехода индивида от одного социального института к другому: школа, армия, тюрьма, фабрика имели собственную логику и правила субъективации.²² В свою очередь, индивид, будучи, на том или ином этапе своей жизни в рамках преимущественно одного главного института (например, фабрики в зрелом возрасте), получал некоторого рода «защиту» от норм и правил субъективации прочих институтов. Однако, по мнению М. Хардта и А. Негри производство субъективности в современном обществе контроля стало гибридным:

*Гибридная субъективность, – замечают авторы, – это рабочий вне фабрики, ученик вне школы, заключенный вне тюрьмы, пациент вне стен клиники – все это одновременно. Гибридная субъективность не принадлежит ни одной из этих идентичностей, и одновременно принадлежит им всем – вне рамок общественных институтов, но еще более строго подчиняясь их дисциплинарной логике.*²³

Сам же М. Фуко, не останавливаясь на простой констатации проблемы, замечает, что

²¹ Taïeb E. Individuation et pouvoir politique. Une lecture de Foucault et d'Elías // Labyrinthe. – 2005. – №3. – P. 38.

²² Хардт М., Негри А. Империя. – М., 2004. – С. 186.

²³ Там же. С. 308–309.

в отношениях власти необходимо имеется возможность сопротивления, так как если бы не было возможности сопротивления <...> отношений власти не существовало бы вовсе.²⁴

Описывая биополитические модели современных властных отношений, М. Фуко противопоставляет им феномен практик самости, особого рода аскетизма, контр-поведения, которое, становясь «управлением собой», представляет форму сопротивления «нормальным», общепринятым ценностям.²⁵ Это понятие близко другому концепту философа, а именно «эстетике существования».

Наряду с бунтом и послушанием, – пишет Поль Вен, – эстетизация – стремление, относящееся к свободе. Примерами эстетизации могут быть, <...> стили жизни, подобные стоицизму, монашеству, пуританству или активизму. Все это не образы действия, предписанные диспозитивом, объективациями окружающего мира; <...> их можно рассматривать как изобретения, как случаи индивидуального выбора.²⁶

В числе всех прочих практик самости М. Фуко особо выделяет именно античные. По его мысли идеи пастырской власти в значительной степени (если не полностью) чужды греческой и римской мысли.²⁷ Именно поэтому античные практики и отличаются от всех прочих большей автономией:

гораздо большей, нежели впоследствии, когда они (практики самости – Д. П.) до определенной степени оказались инвентаризованы религиозными, педагогическими или медико-психиатрическими институтами²⁸.

И хотя М. Фуко, безусловно, не призывает выделить из всего богатства античной мысли стоицизм и провозгласить его нарративы и практики панацей от бед современности, в его стремлении актуализировать понятие практик себя в искомом нами смысле может фиксироваться явная направленность именно на стоические практики заботы о себе. На этот счет высказываются апологеты его учения²⁹, это утверждают его «идеологические»

²⁴ Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2003. В 3 т. Т. 3. – С. 257–258.

²⁵ Taïeb E. Individuation et pouvoir politique. Une lecture de Foucault et d'Elías. P. 41.

²⁶ Вен П. Фуко. Его мысль и личность. – СПб., 2013. – С. 139.

²⁷ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 188.

²⁸ Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы. С. 242.

²⁹ П. Вен считает нужным отметить, что не стоит приписывать идею популяризации стоицизма М. Фуко ввиду того, что последний считал неверным искать ответы на проблемы современности в прошлом. Однако сам факт необходимости данного замечания говорит о том, что Фуко, так или ина-

противники.³⁰ Кроме того, о «стоическом отпечатке» в концептах эстетизации существования и заботы о себе говорят и сторонние исследователи.³¹

Обратившись к истории XX века можно найти примеры, подтверждающие возможность интерпретации стоического нарратива в рассматриваемом ключе. Вторая половина прошлого столетия знает несколько примеров значимого обращения к стоической философии в условиях войны, плена или тюремного заключения, которые были зафиксированы письменно. Рассмотрим случай американского офицера Дж. Стокдейла, который, будучи сбит в небе над Вьетнамом в 1965 г., провел восемь лет в плену.³² Большую часть из этого времени он находился в одиночной камере, подвергался пыткам. Будучи философски образован, с помощью доктрины Эпиктета Стокдейл перенес тяготы плена, сумел создать и возглавить группу сопротивления администрации тюрьмы.

Дж. Стокдейл пишет, что объяснить людям пережитое им трудно, поскольку они задают неверные вопросы:

*Какая была еда? <...> Вам вредили физически? Какова была природа орудий, которым пытали вас? Это были пыточные инструменты или сыворотка правды или электрошокеры?.*³³

Стокдейл, однако, подчеркивает: «все эти приспособления привели бы к полному поражению человека, чьей целью являлось сломить вашу волю».³⁴ По его словам тюрьма коммунистов была отчасти психиатрической клиникой, отчасти исправительной школой, где главной целью тюремщиков было заставить американцев чувствовать стыд и вину³⁵, – на это были нацелены специальные практики, которым узники подвигались годами, – то есть сломить их субъективность, переделать их в ключе, нужном тюремщикам. Стокдейл, с помощью философии Эпиктета ограждал себя и других от этого превратного влияния. Именно в таких условиях стоический нарратив обретает особую значимость, поскольку следующий

че, дал основания для подобной интерпретации. См.: Вен П. Фуко. Его мысль и личность. С. 139.

³⁰ Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М., 1999. – С. 299–309.

³¹ Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. – СПб., 2010. – С. 531.

³² Stephens W. The rebirth of Stoicism? // Greighton University magazine. – 2000. – №1. – С. 36.

³³ Stockdale J. Courage Under Fire: Testing Epictetus's Doctrines in a Laboratory of Human Behavior. – Stanford University, 1993. – P. 19.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. P. 12; 14–15; 19.

ему, по словам Эпиктета, обретает три наиболее прекрасные и подobaющие вещи: невозмутимость, бесстрашие, свободу.³⁶

Таким образом, вопреки исследовательской традиции первой половины XX века, осмыслявшей стоицизм как архаичный религиозный феномен, М. Фуко акцентирует внимание на самосозидании субъекта в практиках стоиков. Более того, модели стоических практик оказали значительное влияние на его изыскания в области феномена «заботы о себе» не только в моральном, но и в политическом аспекте. Последний факт может пролить свет и на возможные причины подобной реактуализации. Философия Стои зарождалась, во многом, как реакция на изменившиеся политические условия жизни Греции: крушение старых полисных идеалов, потерю гражданских свобод, бессилие индивида перед лицом деспотии и пр. В ситуации биовласти, «общества контроля», «одномерного общества» и пр., где подчинение субъекта осуществляется уже не прямым принуждением, но всепроникающей мощью господствующего дискурса данный вопрос – вопрос сохранения «внутренней» свободы и автономии собственного «Я» – вновь обретает свою важность. Возможно, именно этими проблемами современности был обусловлен интерес М. Фуко к рассматриваемой проблематике. Ведь хотя стоики Античности действительно часто апеллировали к религиозной составляющей своего учения, они выстраивали при этом и сугубо философский нарратив субъективности, на который Мишель Фуко, в отличие от многих выдающихся специалистов прошлого и обратил внимание. Впрочем, и П. Адо (уже упоминавшийся выше современник М. Фуко, наряду с ним говоривший о значимости стоических практик) рассматривал стоическую «заботу о себе» как феномен, близкий к религии и нацеленный на осознание себя частичкой универсального Разума. Он критикует подход М. Фуко который, по его мнению, говоря о «эстетике существования» относительно стоицизма создает лишь «новую форму дендизма»³⁷, игнорируя ключевой для стоической философии и прочих направлений античной мысли факт необходимости освобождения от индивидуальности и возвышения себя до универсальности³⁸.

Представляется, что подход М. Фуко, который в контексте поворота к Античности и анализа стоического наследия уделяет вопросу субъективности, ее созиданию и освобождению пристальное внимание, «обречен» расходиться с многочисленными интерпретациями, которые сосредотачиваются на безусловно присутствующем в стоицизме религиозном компоненте. Между тем, вряд ли можно отрицать значимость тех проблем, в контексте которых разворачивается философствование М. Фуко, перспектив, которые

³⁶ Эпиктет. Беседы. – М., 1997. – С. 95.

³⁷ Адо П. Духовные упражнения и античная философия. С. 308.

³⁸ Там же. С. 306.

открывает перед нами его подход, тех важных концептов, которые он создает в процессе своих исследований. В реестр подобного рода концептов, несомненно, входит и «эстетика существования», с помощью которой философ видит возможными практики освобождения индивидом собственной субъективности. Несомненно также и то, что одну их типов таких эстетик, возможно, в каком-то смысле ключевую, может дать нам обращение к мудрости Стои.

Литература

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М., 1999. – 448 с.
2. Вен П. Фуко. Его мысль и личность. – СПб., 2013. – 195 с.
3. Виндельбанд В. История древней философии. – Киев, 1995. – 368 с.
4. Гаджигурбанова П. А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. – 2009. – №9. – С. 27–42.
5. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. – СПб., 2010. – 672 с.
6. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. – М., 2002. – 703 с.
7. Толстой Л. Н. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым, мысли многих писателей об истине, жизни и поведении 1904–1908 // ПСС. В 42 т. Т. 2. – М., 1957. – 715 с.
8. Фуко М. Везопасность, территория, население. – СПб., 2011. – 544 с.
9. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2003. В 3 т. Т. 3. – С. 161–190.
10. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2003. В 3 т. Т. 3. – С. 241–270.
11. Хардт М., Негри А. Империя. – М., 2004. – 440 с.
12. Шестов Л. Лекции по истории греческой философии. – М., 2001. – 304 с.
13. Эпиктет. Беседы. – М., 1997. – 312 с.
14. Jaeger W. Das frühe Christentum und die griechische Bildung. – Berlin, 1963. – 131 pp.
15. Pegliucci M. How to be a Stoic. Using Ancient Philosophy to Live and Modern Life. – New-York, 2017. – 277 p.
16. Russell B. A. History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day. – London, 1946. – 916p.
17. Stephens W. The rebirth of Stoicism? // Greighton University magazine. – 2000. – №1. – С. 34–39.
18. Stockdale J. Courage Under Fire: Testing Epictetus's Doctrines in a Laboratory of Human Behavior. – Stanford University, 1993. – 21 p.
19. Таïеб Е. Individuation et pouvoir politique. Une lecture de Foucault et d'Elias // Labyrinthe. – 2005. – №3. – P. 37–46.
20. Toynbee A. J. Civilization on trial. – New York, 1948. – 263 p.

-
21. Ussher P. Stoicism Today: Selected Writings. Vol. 1. – 2014. – 141 p.
 22. Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Dritter Theil, Erste Abteilung. Die nacharistotelische Philosophie. Erste Hälfte. – Leipzig, 1923. – 864 pp.